

DOI: 10.15643/libartrus-2014.5.7

«Страдание тут очевидное...» («Кроткая» Ф. М. Достоевского в контексте «Дневника писателя» за 1876 год)

© А. В. Денисова

Санкт-Петербургский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Россия, 198206 г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

Тел.: +7 (812) 744 70 24.

Email: avdenisova@mail.ru

«Кроткая» неоднократно была предметом тщательнейшего анализа многих литературоведов. «Фантастический рассказ», составивший содержание ноябрьского «Дневника» за 1876 год, является центральным в этом выпуске. Его тема связана и с другими произведениями Достоевского. Мотивы этого произведения Достоевского изучаются с разных позиций, но совершенно очевидно, что социальная проблематика не исчерпывает его содержание и не является доминирующей. Своеобразие произведения связано с характеристикой персонажей. Именно их «внутренний мир» продуцирует мотивную структуру. Актуальность статьи обусловлена необходимостью выявить особенности персонажей как трагических героев. Цель исследования – изучение мотива отчаяния как доминанты трагического содержания персонажей произведения Достоевского и функционирование этого мотива в общем контексте «Дневника писателя» за 1876 год. Для исследования привлекается материал «Дневника писателя» за 1876 год и записи Достоевского в подготовительных материалах к произведению. Используются приемы историко-литературного, сравнительно-типологического анализа. Проведенное исследование обнаруживает, что мотив отчаяния является одним из главных в «Кроткой» и остальном материале «Дневника писателя» за 1876 год. Он участвует в образовании сюжета рассказа, выступает в качестве момента его сюжетного действия, несет свои значения, определяющие содержание сюжета. А в самом «фантастическом рассказе» этот мотив, кроме продуцирующей, выполняет конструктивную, динамическую и семантическую функции.

Ключевые слова: *Кроткая, Дневник писателя, мотив, отчаяние, трагичность.*

«Кроткая» неоднократно была предметом тщательнейшего анализа многих литературоведов [9]. И это неслучайно. «Фантастический рассказ», составивший содержание ноябрьского «Дневника» за 1876 год, является контрапунктным в контексте всего выпуска. Его тема связана и с другими произведениями Достоевского [1]. Здесь, перефразируя писателя, «все противоречия вместе живут». Конфликт рассказа, как справедливо утверждает О. Юрьева, – это «столкновение двух эгоистических, даже эгоцентрических натур, в душах которых христианские добродетели вытеснены обидой и гордыней» [9, с. 99]. В стремлении каждого из них идти до конца, в невозможности принять другого и понять его, в желании (неосознанном и – одновременно – осознаваемом) унижить друг друга персонажи строят свои отношения как поединок. И действительно, мотив дуэли становится организующим, «по дуэльной модели строятся не только отношения героев друг с другом, но и их взаимоотношения с миром» [9, с. 98]. Исследовательница определяет конфликт произведения «как столкновение, поединок двух натур, схожих и разных, скрытных, страстных и обуруваемых гордыней, пораженных идеей»

[9, с. 96]. Она акцентирует внимание на двойственности характеров Закладчика и Кроткой: «В образах Закладчика и Кроткой ярко проявилась идея Достоевского о „внутреннем человеке“, сущность характера которого не совпадает с проявлениями человека „внешнего“» [9, с. 96].

Эта двойственность является перманентным состоянием героев, источником конфликта, доведенного до последней черты. С одной стороны, это конфликт внешний, который проявляется, как уже отмечалось, в мотиве поединка персонажей друг с другом и с миром. Закладчик пережил жизненную драму: отказ выйти на дуэль, удаление из полка стимулируют жажду реванша. Свидание Кроткой с офицером Ефимовичем – это тоже своеобразный поединок, о котором Закладчик пишет: «Я слушал целый час и целый час присутствовал при поединке женщины благороднейшей и возвышенной с светской развратной, тупой тварью, с пресмыкающеюся душой» [4, т. 24, с. 19]. О. Юрьева справедливо отмечает: «У каждого героя – свой бунт. Бунтует против всего света Закладчик, обиженный и отвергнутый им. Бунтует Кроткая, выражая свой протест против тирании судьбы и мужа» [9, с. 98].

Однако главный конфликт – внутренний. И он в большей степени, нежели внешний, предопределяет трагичность исхода. Трагическая доминанта персонажей Достоевского определяет их равнозначность, равновеликость, равномасштабность в стремлении каждого утвердить свое «я». Они под стать друг другу. И в этом отношении, действительно, их отношения строятся как «поединок роковой», в котором нет места компромиссу.

В предисловии «От автора» Достоевский, делая предположение «о записавшем все стенографе», упоминает В. Гюго, употребившего «почти такой же прием» в «Последнем дне приговоренного к смертной казни». Произведение Гюго Достоевский называет «самым реальнейшим и самым правдивейшим из всех им написанных». Думается, что здесь имеется в виду не только форма повествования, а и трагическая ситуация «последней черты», которая требует от человека невероятного напряжения всех душевных сил.

В подготовительных материалах к рассказу дважды упоминается Шекспир: «Ричард Шекспира... Купил Шекспира. Спросила меня: что такое компромисс? Я отвечал» [4, т. 24, с. 330–331]. В комментариях к Полному собранию сочинений Достоевского отмечается: «Возможно, именно Шекспир „подсказал“ Достоевскому форму монолога героя: речь, обращенную к миру, к невидимым слушателям. Сбивающаяся, мечущаяся в поисках оправдания и истины речь офицера-ростовщика сродни монологам Отелло и короля Лира в последних актах трагедии Шекспира, а также монологу Ричарда III в одноименной хронике, где герой-злодей с предельной искренностью, отменяя жалкие оправдания, выносит себе смертный приговор» [4, т. 24, с. 388–389].

Думается, что Шекспир «подсказал» Достоевскому и трагичность как основную черту главных героев рассказа. Как замечает Р. Г. Назиров, трагедия в романах Достоевского «развивается на базе шекспировско-пушкинской традиции и отчасти “Фауста” Гёте... Идя по стопам Бальзака, поднявшего почти до шекспировской высоты изображения страстей в современной ему буржуазной среде, Достоевский воплощает трагедию в современном ему русском быту» [7, с. 102].

Отметим давнее толкование трагического у Достоевского, которое дает Р. А. Гальцева: «Главная тема трагедии у Достоевского – испытание глубин человека на путях свободы... За свободой и через нее открывается более глубокая, этическая природа человека – сердце и совесть. И в этом источник трагизма и катарсиса мира Достоевского. Трагическое выступает у Достоевского как сущностно-серьезное: жизненное событие потому и является трагическим

потрясением, что оно прикасается к миру подлинного бытия, нравственного абсолюта» [6, с. 598]. С этим толкованием перекликается и определение Г. К. Щенникова: «Трагическое (Достоевского. – А. Д.) развивается из неограниченной стихии индивидуализма» [5, с. 52].

В предисловии «От автора» Достоевский дает предварительный комментарий к состоянию мужа, «у которого лежит на столе жена, самоубийца, несколько часов перед тем выбросившаяся из окошка. Он **в смятении**... Он и оправдывает себя, и обвиняет ее... он действительно *уясняет* себе дело... Ряд вызванных им воспоминаний неотразимо приводит его наконец к *правде*; правда неотразимо возвышает его ум и сердце... Истина открывается **несчастному** довольно ясно и определительно, по крайней мере для него самого» (Курсивные выделения в цитатах принадлежат цитируемым авторам, полужирные – автору статьи. – А. Д. [4, т. 24, с. 5]).

Обращает на себя внимание то определение, которое дает герою Достоевский, – «несчастный». Он переживает страшные и высокие в своей трагичности минуты – через страдание – к истине. Это момент **катарсиса**, прорывающийся в почти исступленных финальных словах, обращенных к миру, людям (Богу?): «Что мне теперь ваши законы? К чему мне ваши обычаи, ваши нравы, ваша жизнь, ваше государство, ваша вера? [4, т. 24, с. 35]. О происходящем переломе в душе Закладчика свидетельствует и то, что он, по сути неверующий человек, все же вспоминает и неточно цитирует Евангелие от Иоанна: «Люди, любите друг друга» – кто это сказал? чей это завет?» [4, т. 24, с. 35]. «В черновых набросках равнодушие героя к религии еще более подчеркнуто. Он не может молиться и в его хорошо подобранной библиотеке нет псалтыри: „Я вот что хочу: я хочу псалтырь читать. Но по-славянски не умею и псалтыри нет! Послать в церковь; ночь. Господи, лучше не думать, лучше бы не думать“» [4, т. 24, с. 353].

Свое трагическое одиночество герой осмысляет через фольклорные клише: «Люди на земле одни – вот беда! „Есть ли в поле жив человек?“ – кричит русский богатырь. Кричу и я, не богатырь, и никто не откликается» [4, т. 24, с. 35]. Эта финальная трагическая правда героя имеет всеобщий характер и, по словам М. Гиршмана, «обнаруживается, проясняется в своем глубоком и неустрашимом, с самого начала и до конца присутствующем **внутренне противоречивом существе**... Разъединение и разобщение людей между собой и миром убивает любовь и самую жизнь, делает невозможным выполнение завета: „Люди, любите друг друга“. Но и не выполнять этот завет невозможно.... Контрастное совмещение этих „последних“ противоречий есть внутренний источник того неукротимого движения, которое порождается необходимостью „достигать, бороться, прозревать при всех падениях своих идеал и вечно стремиться к нему“ и которое является своеобразным катарсисом этой трагедии» [2, с. 180–181].

Взаимопересечения внутреннего и внешнего конфликтов «Кроткой» обнаруживаются в устойчивом **мотиве отчаяния, последней черты**. В записях к «Дневнику писателя» 1876 года из рабочих тетрадей 1875–1877 гг. Достоевский замечает: «Древняя трагедия – богослужение, а Шекспир **отчаяние**... Шекспир наших времен тоже вносил бы отчаяние... Шекспир – поэт **отчаяния**» [4, т. 24, с. 160, 162]. Эта запись сделана в контексте других записей в марте 1876 года. Думается, что «шекспировский контекст» во многом определял размышления Достоевского во время работы над «Кроткой».

В словаре В. Даля дается подробное определение лексического значения глагола «отчаивать»: довести до отчаянья, **безнадежить, лишать последней веры и надежды** | Церк. **отчаиваться, терять вовсе, всю надежду**. -ся, **впадать** в уныние, **в безнадежность, терять надежду на что-либо**, унывать, предаться отчаянью, порыву безнадежного горя и уныния, упадку духа... Отчаянное дело, безнадежное, пропащее; | крайнее и опасное, грозное [3].

Лексическое значение существительного «отчаяние», производного от глагола, характеризуется как состояние крайней безнадежности, упадка духа безвыходности, отсутствия веры и надежды.

Именно такой, отчаявшейся, оказавшейся в безвыходном положении предстает Кроткая. Сирота, живущая «у беспорядочных теток три года в рабстве», унижения непосильной работой (детей теткиных учила, белье шила, полы мыла), наконец, страшная перспектива быть выданной (проданной) за лавочника «с двумя бакалейными», который «двух жен усахарил и искал третью». Заклады вещей («серебряные позолоченные сережечки, дрянненький медальончик, остатки старой заячьей куцавецки»), на вырученные от закладов гроши публикация объявлений в газете о поиске места – и неотвратимо надвигающийся со своим предложением о замужестве купец (он уже и вечером приехал, и «привез из лавки фунт конфет в полтинник»).

Безусловно, что Кроткой овладевает отчаяние от невозможности изменить ту материальную ситуацию, в которой она оказывается. Но – не только. Она должна (других вариантов нет!) выбрать «из двух несчастий» одно. Как об этом «проговорит» ее муж, «кто был для нее тогда хуже – я аль купец? Купец, или закладчик, цитирующий Гете»? [4, т. 24, с. 12].

«Поведенческий модус Кроткой определяется постоянным столкновением кроткости и дерзости», – отмечает О. Юрьева [9, с. 95]. Уточню: состоянием *отчаяния*, в котором переплетается **ощущение неизбежности принесения себя в жертву** – кому? чему? – и **постоянное подавление естественно присущего каждому человеку стремления быть значимым самому по себе**, стремления к счастью, подавления гордости, которая прорывается и в том, как загораются глаза, как вспыхивает все лицо: «Батюшки, как вспыхнула! Глаза у ней голубые, большие, задумчивые, но – как загорелись!» А отсюда и стремление постараться полюбить, «не захотеть обманываться полулюбовью».

Двойственность Кроткой определяется имманентным состоянием внутренней борьбы, в которой нет победителей и побежденных. В ней просто невозможно жить.

Вначале ростовщик не выделяет Кроткую среди прочих посетителей. Она приносит вещи, которые дороги ей как память, они ей «драгоценность... все, что оставалось у ней от папаши и от мамы» [4, т. 24, с. 7]. Наиболее подробно описывается несколько ее закладов. Остатки старой куцавейки, сигарный янтарный мундштук, а когда «у ней и мундштуки уже вышли... она принесла этот образ **(решилась принести)**...» [4, т. 24, с. 8]. Оговорка героя знаменательна: решилась принести. Это значит, он уловил, почувствовал приближение девушки к последней черте.

Кроткая приносит ростовщику икону. Примечательно, что слово «икона» не употребляется в повествовании. Героиня **закладывает «образ Богородицы... домашний, семейный, старинный»**. Образ дорог, но по-разному – для ростовщика и девушки. Для нее он – последнее, что осталось от **дома**, ему нет цены, и это понимает ростовщик, отказывающийся принять икону, но оценивающий стоимость ризы в рублях («рублей шесть стоит»). Однако икона все равно оказывается заложеной, несмотря на то, что герой отказался снять с нее ризу, а просто поставил ее в киот с другими образами, но дал за икону пять рублей.

Героиня отдает последнее. Если вспомнить распространенное обращение к Богородице («Богородица, заступница милосердная, спаси и помилуй»), то окажется, что Кроткая лишается последней опоры и защиты. Упомяну здесь про одно из наиболее ярких воспоминаний Алеши Карамазова: «...он запомнил один вечер, летний, тихий, отворенное окно, косые лучи заходящего солнца... в комнате в углу образ, пред ним зажженную лампаду, а пред образом

на коленях... мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко до боли и молящую за него богородицу, протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу как бы под **покров богородице...**» [4, т. 14, с. 18].

Ситуация, в которой оказалась героиня «фантастического рассказа» Достоевского, – это роковая черта, перед последним решением. С «недоверчивой, молчаливой, нехорошей улыбкой» Кроткая входит в дом ростовщика: «Правда и то, что ей уж **некуда было идти...**» [4, т. 24, с. 14].

Сам ростовщик живет с постоянной мыслью о **месте** своему прошлому. Потеря репутации, выход из полка, бедность, когда он тоже оказывается у последней черты («я остался без гроша на улице... тут три года мрачных воспоминаний и даже дом Вяземского»). Он вспоминает чувство отъединенности от людей, которое он тогда испытывал: «О, меня не любили никогда даже в школе. Меня всегда и везде не любили... мрачное прошлое и навеки испорченная репутация моей чести томили меня каждый час, каждую минуту» [4, т. 24, с. 23, 24]. У **последней черты** он оказывается и тогда, когда Кроткая решилась на убийство, когда ощутил он «у виска... холодное прикосновение железа. Вы спросите: твердо ли я надеялся, что спасусь? Отвечу вам, как перед Богом: не имел никакой надежды, кроме разве одного шанса из ста» [4, т. 24, с. 21].

Услышав пение жены, герой чувствует «недоумение и страшное удивление»; потрясенный тем, что она про него забыла, он испытывает отчаяние: «И я понимал вполне мое **отчаяние**, о, понимал! <...> Я все видел, все до последней черты, видел и знал лучше всех; все мое **отчаяние** стояло на виду!» [4, т. 24, с. 28, 30]. Однако **настоящее отчаяние** охватывает его только тогда, когда он остается один после смерти жены: «Нет, серьезно, когда ее завтра унесут, что ж я буду?» [4, т. 24, с. 35]. И, как справедливо замечает О. Юрьева, «будет», и «будет ли вообще?» [9, с. 102].

Мотив отчаяния включает «Кроткую» в общий контекст выпусков «Дневника писателя» за октябрь-декабрь 1876 года. И здесь я не вполне согласна с О. Юрьевой, которая пишет «о некоем внутреннем антагонизме между суждениями Достоевского-публициста и Достоевского-художника». Первый представляет самоубийцу как жертву, второй как палача» [9, с. 93]. Думается, что внутреннего антагонизма нет. Скорее речь идет о развитии и варьировании тематического мотива отчаяния, безысходности, «последней черты». И в данном случае мотив выполняет продуцирующую функцию, связывая материал «Дневника» в **единое смысловое пространство**, актуализируя старые смыслы и открывая новые.

Так, октябрьский выпуск открывает глава «Простое, но мудреное дело», в которой Достоевский пишет о Екатерине Корниловой, выбросившей из четвертого этажа «свою маленькую падчерицу, шести лет». Достоевский утверждает, что необходимо вникнуть глубже в суть дела, принять во внимание «аффект беременности», видит в этом повод оправдать подсудимую. Муж Корниловой, «с нею, по показаниям ее, ссорился, не пускал ее в гости к родным, да и родных ее не принимал к себе, попрекал ее покойной женой своей и тем, что при той хозяйстве у него шло лучше, и т.д. и т.д., словом, *«довел ее до того, что она перестала любить его»* [4, т. 23, с. 136]. Логика действий Корниловой определяется чувством человека, **отчаявшегося** обрести семейное счастье. Здесь этот мотив не связан непосредственно с самоубийством как с таковым. Однако вспомним: она **сама на себя донесла** в полицию, и неизвестно еще, как она выдержит два года каторжных работ, а затем – вечное поселение в Сибири. «Преступница первая же считает себя виновною, – пишет Достоевский, – она сознается сейчас же после преступления, созналась и через полгода на суде. Так и в Сибирь, может быть, пойдет, по совести и

глубоко в душе считая себя виновною; так и умрет, может быть, каясь в последний час и считая себя душегубкой» [4, т. 23, с. 139–140].

В этом материале мотив оказывается заявленным, а развивается он в главе «Два самоубийства», где речь идет о самоубийстве Лизы Герцен и о другом, кротком, смиренном самоубийстве молодой швеи, выбросившейся из окна, «держа в руках образ». На первый взгляд, эти два факта противопоставляются друг другу. Однако к Лизе Герцен Достоевский вернется позже, в главе 5 декабрьского выпуска «О самоубийстве и высокомерии», где он подчеркнет ее **отчаяние**: вызывающая предсмертная записка, как она характеризуется в главе «Два самоубийства», теперь, с точки зрения Достоевского, «свидетельствует, напротив, о страдальческом, мучительном настроении ее духа, о ее **отчаянии** в последнюю минуту жизни... Страдание тут очевидное, и умерла она непременно... много мучившись» [4, т. 24, с. 54].

В первой главе этого же декабрьского выпуска «Опять о простом, но мудреном деле» Достоевский напишет вновь и о Корниловой. Автор вспоминает октябрьский выпуск «Дневника», а затем передает впечатления от своих разговоров с надзирательницами острога, где оказалась Корнилова после родов. Его поражает преображение Корниловой: из существа злого, невежливого «явилось существо доброе, простодушное, **кроткое**» [4, т. 24, с. 40].

Таким образом, ноябрьский «фантастический рассказ» оказывается обрамленным материалом, в котором варьируется мотив отчаяния применительно к разным жизненным ситуациям, разным психологическим и социальным типам. А в самом «фантастическом рассказе» этот мотив, кроме продуцирующей, выполняет конструктивную, динамическую и семантическую функции [8]. Он участвует в образовании сюжета рассказа, выступает в качестве момента его сюжетного действия, несет свои значения, определяющие содержание сюжета. И это обусловлено самой природой творческого мышления Достоевского, для которого понимание внутренней обусловленности факта приходит через художественное творчество, осознаваемое как продолжение осуществления смысла самого факта. В черновиках Достоевский записывает: «Искусство побеждает в осмысливает. Вечное достоянье... Кстати: что такое фантастическое в искусстве. Побежденные и осмысленные тайны духа навеки» [4, т. 23, с. 189, 190].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллен К. «Кроткая» и самоубийцы в творчестве Достоевского // *Достоевский: Материалы и исследования*. СПб.: Наука, **2000**. Т. 15. С. 228–237.
2. Гиришман М. М. *Ритм художественной прозы*. М.: Советский писатель, **1982**. 366 с.
3. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т.* СПб., **1863–1866**.
4. Достоевский Ф. М. *Полн. собр. соч. в 30 т.* Л.: Наука, **1972–1990**.
5. *Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник*. Челябинск: Металл, **1997**. 272 с.
6. *Краткая литературная энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, **1972**. Т. 7.
7. Назиров Р. Г. *Творческие принципы Достоевского*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, **1982**. 160 с.
8. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // *Типологические исследования по фольклору*. Сб. ст. в память В. Я. Проппа. М.: Наука, **1975**. С. 141–156.
9. Юрьева О. Ю. Бунт против тирании и тирания бунта // *Достоевский и мировая культура*. Альманах №21. СПб.: Серебряный век, **2006**. С. 91–103.

Поступила в редакцию 10.09.2014 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2014.5.7

“Suffering Here is Obvious...” (“Gentle” by F. M. Dostoevsky in the Context of “Diary of a Writer” of 1876)

© A. V. Denisova

*St. Petersburg State University
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
1 Pilota Pilyutova St., 198206, St. Petersburg, Russia*

Phone: +7 (812) 744 70 24.

Email: avdenisova@mail.ru

“Gentle” has repeatedly been the subject of a thorough analysis of many literary critics. “Fantastic story” was the center of all content of the November 1876 “Diary”. Its theme associated with other works of Dostoyevsky. The motives of the work of Dostoevsky studied from different perspectives, but it is obvious that social issues are not exhaust its content and is not dominant. The originality of the work related to the characteristics of the characters. It is their “inner world” produces motivic structure. The relevance of the article due to the need to identify the features of character as tragic heroes. The purpose of research – the study of how the dominant motif of despair tragic characters of Dostoevsky’s content and function of this motif in the general context of “Diary of a Writer” of 1876. “Diary of a Writer” of 1876 and Dostoevsky’s notes in preparatory materials for the work were involved as the main material of the study. Methods of literary history, comparative and typological analysis were used. The study shows that the motive of despair is one of the most important in the “Gentle” and the rest of the article “The Diary of a Writer” of 1876. It is involved in the formation of the plot of the story, acts as the date of its scene of action, its meanings forms the content of the story. In the “fantastic story” that motive, in addition to producing, performs structural, dynamic and semantic functions.

Keywords: *Gentle, Diary of a Writer, motif, despair, tragedy.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Denisova A. V. “Suffering Here is Obvious...” (“Gentle” by F. M. Dostoevsky in the Context of “Diary of a Writer” of 1876) // *Liberal Arts in Russia*. 2014. Vol. 3. No. 5. Pp. 388–394.

REFERENCES

1. Allen K. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniya*. Saint Petersburg: Nauka, 2000. Vol. 15. Pp. 228–237.
2. Girshman M. M. *Ritm khudozhestvennoi prozy [Rhythm of Fiction Prose]*. Moscow: Sovet-skii pisatel', 1982.
3. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka v 4 t. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 Volumes]*. Saint Petersburg, 1863–1866.
4. Dostoevskii F. M. *Poln. sobr. soch. v 30 t. [Complete Works in 30 Volumes]*. Leningrad: Nauka, 1972–1990.
5. Dostoevskii: *Estetika i poetika: Slovar'-spravochnik [Aesthetics and Poetics: Handbook-Dictionary]*. Chelyabinsk: Metall, 1997.
6. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya [Concise Encyclopedia of Literature]*. Moscow: Sovet-skaya entsiklopediya, 1972. Vol. 7.
7. Nazirov R. G. *Tvorcheskie printsipy Dostoevskogo [Creative Principles of Dostoevsky]*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1982.
8. Putilov B. N. *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru. Sb. st. v pamyat' V. Ya. Proppa*. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 141–156.
9. Yur'eva O. Yu. *Dostoevskii i mirovaya kul'tura*. Al'manakh No. 21. Saint Petersburg: Serebryanyi vek, 2006. Pp. 91–103.

Received 10.09.2014.